

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

Т. В. Радзиевская

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ ФИКСАЦИИ ОПЫТА: ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

В. М. ГОЛИЦЫНА

Т. В. РАДЗИЄВСЬКА. ДИСКУРСИВНІ ФОРМИ ФІКСАЦІЇ ДОСВІДУ: ЩОДЕННИКОВІ ЗАПИСИ В. М. ГОЛИЦІНА.

Мета статті пов'язана з актуальною для лінгвістичного аналізу щоденникових записів проблемою виявлення та характеристики дискурсивних форм фіксації особистого досвіду. Завданнями статті, яка продовжує низку авторських досліджень щоденника як текстотипу та його дискурсивних втілень, є визначення співвідношення між тематичними і дискурсивними властивостями щоденникового запису, розгляд лінгвокультурних традицій на матеріалі щоденникових записів В. М. Голицина (1847–1932). У роботі виявлено кореляції між тематичними підструктурами та одиницями ієрархічної та актуалізованої прози, вплив французької лінгвокультурної традиції на процес нарративізації.

Ключові слова: дискурс щоденника, нарративізація особистого досвіду, ієрархічна проза, актуалізована проза, щоденник В. М. Голицина.

Т. В. РАДЗИЕВСКАЯ. ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ ФИКСАЦИИ ОПЫТА: ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ В. М. ГОЛИЦЫНА.

Цель статьи связана с актуальной для лингвистического анализа дневниковых текстов проблемой характеристики дискурсивных форм фиксации личного опыта. К задачам статьи, которая продолжает ряд авторских исследований дневника как текстотипа и его дискурсивных воплощений, относятся определение соотношения между тематическими и дискурсивными свойствами дневниковой записи, рассмотрение лингвокультурных традиций на материале дневника В. М. Голицына (1847–1932). В работе показаны корреляции между тематическими подструктурами и единицами иерархической и актуализирующей прозы, влияние французской лингвокультурной традиции на процесс нарративизации.

Ключевые слова: дискурс дневника, нарративизация личного опыта, иерархическая проза, актуализирующая проза, дневник В. М. Голицына.

T. V. RADZIEVSKA. DISCURSIVE FORMS OF EXPERIENCE VERBALIZATION: V. M. GOLITSYN'S DIARY RECORDS.

The main issue that arises during the linguistic analysis of the diary records is the detection of discursive forms through which the personal experience is manifested. The present article continues the author's research of diaries as a text type, their discursive forms, and peculiarities of the personal experience narrativization. It studies the diary records of V. M. Golitsyn (1847–1932), a Russian public figure which reflect inner and outer events of his life in the historical period of 1917–1918 in Russia. The analysis is based on the ideas of N. D. Arutiunova who has proposed to differentiate two types of prose: hierarchical (syntagmatic) and actual prose, which is instrumental for the description of thematic and discursive structures and their correlations in a diary text. The syntax of Golitsyn's reflections reveals the influence of the French tradition of the intellectual prose and moralistic literature.

Key words: diarydiscourse, personal experience narrativization, hierarchical prose, actual prose, V. M. Golitsyn's diary.

Целью данной статьи, которая продолжает серию исследований, посвященных текстовым формам фиксации опыта на примере дневниковых записей [6; 7; 8; 9], является описание языковых механизмов, реализуемых в дискурсе дневника – одной из актуальных проблем изучения дискурсивных практик и речевой деятельности носителя языка. К числу основных задач работы относится анализ дневникового текста с учетом идей коммуникативной лингвистики и психологической герменевтики, определение соотношения тематических и дискурсивных свойств дневника, выявление лингвокультурных традиций, актуализирующихся при ведении дневника.

При изучении механизмов понимания и интерпретации личного опыта принято выделять в них две составляющие – семиотическую и коммуникативную, которые рассматриваются, вслед за Ю. М. Лотманом, сквозь призму текста и текстуальности: семиотическая составляющая обусловлена семантической структурой текста, в то время как коммуникативная – осмысленностью текста [11, с.63]. Процесс нарративизации опыта позволяет «трансформировать внешние события во внутренний опыт личности путем их упорядочивания по всем структурным признакам нарративного текста» [11, с. 68-69). В этом процессе присутствуют как субъективные, так и объективные составляющие [5; 12].

Дневниковые записи служат едва ли не лучшим источником для изучения механизмов нарративизации опыта, ибо, как правило, именно в них в текстовой форме фиксируется информация о недавно произошедшем, настроениях, переживаниях и размышлениях пишущего. Исключительно ценным текстовым документом в этом отношении является дневник Владимира Михайловича Голицына (1847–1932), государственного и общественного деятеля, переводчика. Свой дневник он вел в течение большей части жизни – 67 лет. В данной работе мы будем использовать материал опубликованного фрагмента дневника за 1917–1918 года [3], записи в котором велись ежедневно, без каких-либо пропусков, с 16 июля 1917г. по 10 августа 1918г.

При обращении к дневнику В. М. Голицына (далее – ВМГ) первое, что поражает читателя и исследователя и служит отличительной чертой этого дневника, – это неизменность на протяжении всего исследуемого периода формата записи, касающегося как ее объема, так и ее тематической и дискурсивной составляющих. Поясним сказанное. Каждая отдельная запись в дневнике 1917–1918 годов представляет четыре тематических компонента – погода (Т1), события дня, участником или наблюдателем которых был автор (Т2), социально-политические события в стране, информацию о которых ВМГ получает от знакомых, а также из газет (Т3), и размышления абстрактного характера, обобщающие личностный опыт автора (Т4).

При этом сама запись в дискурсивном отношении имеет двухчастную структуру. Она состоит из двух блоков (далее обозначаемых латинскими цифрами I и II), соотношение которых в количественном плане также не меняется в течение года. I-ый блок в тексте дневниковой записи объединяет первые три темы (Т1, Т2, Т3), которые оформляются краткими, малоразвернутыми синтаксическими структурами, с минимальным использованием средств межфразовой связи. II-ой блок в записи, посвященный четвертой теме (Т4), напротив, представлен развернутыми, синтаксически сложными и разнообразными структурами. Вместе с тем, как правило, II-й блок записи по своему объему вдвое или втрое превышает I-ый, объединяющий три темы (ввиду ограниченного объема статьи полную иллюстрацию опускаем).

Такой двухчастный дискурсивный формат записи заставляет вспомнить о «стилистической дихотомии» Н. Д. Арутюновой, которая предложила различать два типа прозы – иерархическую (синтагматическую) и актуализирующую [1; 2]. Если в иерархической прозе «основная ставка делается на разработку синтагматических отношений», то в актуализирующей – «упор делается на связь высказывания с денотатом, его прямую и «близкую» отнесенность к ситуации» [2, с.482]. Как мы увидим далее, в рассматриваемом дневнике дискурсивные формы I-го блока записи безоговорочно могут быть отнесены к актуализирующей прозе, для которой характерны информационная дискретность, «рубленный» синтаксис, тенденция к самостоятельному предикциированию каждого элемента [2, с. 485-487]. К синтаксису II-го блока в полной мере приложимы такие характеристики иерархической прозы, как смысловая дифференцированность синтагматических отношений, разветвленность предложения, обилие межпредложенческих средств связи, эксплицированность модуса [2, с. 483]. Принимая во внимание эти идеи, мы рассмотрим подробнее, как представлены в тексте основные темы дневника.

Инициальная позиция записи, за редкими исключениями, принадлежит констатации явлений природы, относящихся к первой теме – погода дня. Как правило, это краткие сообщения, большей частью, с однородными членами предложения: *Все темно и облачно* (27.08.17). *Яркое солнце и мороз* (22.02.18).

Типичны для этих сообщений уточняющие определения: *Было очень темно поутру от густого тумана, долго остававшегося* (22.08.17), а также противительные конструкции с союзами *но, а*, противопоставляющие «антагонистические» характеристики погоды: *Великолепное, но очень прохладное утро* (18.08.17). *Довольно облачно, но очень приятно* (20.08.17). *Утром яркое солнце и вода, а днем опять сильный снег* (1.03.18). *По времени сильный мороз, но день был чудный* (4.03.17). *Гораздо пасмурнее, но оттепель всю* (9.03.18). Синтаксис такой записи обусловлен, как мы видим, актуализацией представления о некоторой норме (напр., *Если пасмурно, то должно быть холодно*) и сопоставлением с ней описываемой референтной ситуации, а противительное отношение часто фиксирует соединение «объективной» характеристики погоды и ее субъективного восприятия.

Типичные для дневника высказывания о динамических погодных явлениях, изменениях в природе характеризуются в целом релятивной семантикой, передают сообщения, которые базируются на сравнении с имеющейся у автора информацией о погоде предыдущего дня или периода: *Внезапный переход на мороз с ясным небом* (12.01.18). *Обратный и столь же резкий переход на тепло с сильным ветром, а ночью и с метелью* (13.01.18). *Снова оттепель и слякоть* (19.01.18).

Вторая тема – события дня (Т2) – представлена сообщениями как о «внешних», чаще всего социокоммуникативных событиях, так и о «внутренних» событиях (эмоциональных состояниях, настроениях, переживаниях): *Ходил к Ясюнинской по делу и в книгоиздательство «Гранат». Встретил на улице Д. Н. Анучина, одобившего мои воспоминания. Дома застал неожиданно прибывшего к нам Владимира, которому грозил арест. Семья его осталась в городе. Вечером был Притвиц* (23.01.18). Это немногословные высказывания, оформленные конструкциями первичного синтаксиса и словесным репертуаром, который можно сопоставить с лексическим минимумом. В них абсолютно преобладают простые синтаксические конструкции, незначительно представлены краткие сложносочиненные предложения: *Днем у нас была Зина Кучина, и я ее проводил пешком* (25.11.17). *Все ни с места дело об арестованных, да и вестей о них нет* (22.03.18). Единична представленность и субординативных связей.

Синтаксическая стилистика записей, касающихся второй темы, исключительно однородна и в целом постоянно воспроизводит свой стандарт, основывающийся на отсутствии пространственных конструкций – отсутствии детерминантов у основных членов предложения, определений всех видов, квалифицирующих и характеризующих предмет, действие, событие. Сюда же следует отнести почти полное отсутствие средств эксплицитной модальности, а также однородных конструкций в синтаксической периферии предложения. Наиболее типичным здесь выступает стиль «лаконичной констатации»: *Порядочно писал. Походил и зашел к вечеру в Большой Казенный, где встретил старого сотрудника своего, Д. Матвеева, а на улице – дружка, Малинина. У нас был С.Д. Мецкерский* (17.03.18).

Третья тема – социально-политические события рассмотренного периода (Т3) – представлена практически в каждой записи, за небольшими исключениями, относящимися к середине апреля 1918г., когда ВМГ был болен и свел саму запись до минимума. Как правило, высказывания этой темы позиционно не отделяются от высказываний второй темы, формально продолжая изложение событий дня: *Татьяна Трубецкая заболела ангиной. Вечером у нас была молодежь, читавшая пьесы для задуманного спектакля. Хорошо, что «крайние» отказались от забастовки здесь, а в Петрограде – от уличных выступлений. Но все стремятся они захватить власть, свергнув правительство* (21.10.17). Таким образом, при нарративизации второй и третьей тем, относящихся к микро- и макромиру пишущего, текстуральная граница между ними нейтрализуется и не проецируется в графической структуре текстовой записи.

Характер нарративизации третьей темы имеет свои особенности. Во-первых, если первая и вторая темы находят представление в нейтральных, «безмодальных» констатациях, то в высказываниях о текущих социально-политических событиях отношение к ним пишущего отражается более явно, эксплицитно, чаще всего, за счет используемой оценочной лексики. Во-вторых, нарративизация третьей темы, в отличие от двух предыдущих, в течение изучаемого

периода эволюционирует и с конца 1917 г. – начала 1918г. приобретает новое качество. В силу этого при ее характеристике следует условно выделять два периода – до и после декабря 1917 – января 1918 гг. Они разграничиваются в связи с отношением автора к получаемой им информации о социально-политических событиях, что отражается на записи в дневнике.

С начала рассматриваемого периода, т.е. с 16 июля 1917 г., находясь в имении Железники, а потом в Москве, ВМГ получает сведения о «внешних» – весьма драматичных – событиях из газет или от знакомых и родственников и в дневниковой записи отображает их содержание в виде эмоциональной и интеллектуальной реакции. Достаточно часто это общенегативная оценка, сигнализирующая о значительной эмоциональной вовлеченности пишущего: *Военные известия какие-то неопределенные, а о внутренних не хочется ни говорить, ни читать* (29.07.17). О том, что социополитические события, связанные с войной и с внутренним положением в стране, определяют состояние автора, свидетельствуют высказывания с предикатами ментальной деятельности, вопросы, сигнализирующие о заинтересованности пишущего, фокусировании его внимания на происходящем. Подобные высказывания перемежаются с эксплицитным выражением эмоций в восклицаниях и вопросах с модально-оценочной лексикой: *Что за развал у нас! Надо это переживать, и только. Когда родина несчастна, чувствуешь удвоенную любовь к ней* (19.09.17). *Вот до чего мы дожили, что приходится увозить, закирывать, прятать все ценное из опасения погромов!* (12.10.17).

Эмоциональное отношение к событиям соседствует в записях ВМГ с интеллектуально-критическим реагированием, типичным для наблюдателя хода событий: это экспрессивные высказывания, в коммуникативный фокус которых попадает определенное слово или словосочетание с оценочным компонентом значения: *Начинаются у нас забастовки. Опять некультурность: преступно проводить свои частные интересы в ущерб государственным и народным* (22.09.17). Здесь выразителем оценочных смыслов выступает многообразный спектр лексических единиц и конструкций. См. также следующие фрагменты, выражающие негативное отношение к компонентам событий, их участникам и обстоятельствам: *корниловская авантюра* (1.09.17), *Корнилов с компанией сдались* (3.09.17), *Все разочаровались в Керенском, оказавшимся просто мыльным пузырем* (21.09.17), *Николая и его шайку* (1.10.17). Реакция на социополитические события приобретает в дневнике вид попыток осмысления и интерпретации: *Финляндия фактически отделилась от России. Нельзя ей не сочувствовать и не признать, что это всецело вина нашего многолетнего обращения с ее строем* (17.09.17). *Происходящее у нас показывает, как все может легко разрушиться, как, наоборот, трудно что-либо создать* (3.10.1917).

На отражение в тексте третьей темы (Т3) влияет ряд факторов. Одним из них выступает конфликт между эмоциональной вовлеченностью автора, достигающей высокой степени, и нарративизацией, он блокирует фокусировку на происходящем и саму перспективу нарративизации: *Лучше об этом не писать, даже не думать*. Получаемые сведения порождают глубокие переживания, часто не поддающиеся вербализации и остающиеся в сфере внутренних состояний и внутренней речи индивида.

Другим важнейшим фактором выступает отсутствие правдивых сведений и само осознание этого факта. В дневнике увеличивается число высказываний с лексическими элементами, представляющими модальность предположения, категорию определенности/неопределенности: *по-видимому* (26.08), *как кажется* (24.08), *будто бы* (1.08), *кажется* (21.09), *какой-то* (23.09) и т.д. Дневник постоянно фиксирует недостаточность, неточность, противоречивость получаемых сведений: *...долетали вести и слухи, большие неверные и противоречивые и преувеличенные* (28.10.17), *Отсутствие хороших газет делает то, что мы довольствуемся слухами, не проверенными и по большей части неверными, а то и нелепыми* (8.08.18). Эмоциональное и критическое реагирование на какие бы то ни было внешние события постепенно приобретает отвлеченно-философский характер (подробнее об особенностях нарративизации третьей темы см. [10]).

Несмотря на абсолютно незначительный объем фрагмента записи, представляющего третью тему, он является результатом наиболее сложных и трудно постигаемых процессов текстообразования, вместе с тем следует подчеркнуть, что это наиболее драматичная, напряженная точка в текстовой записи. В ней конфликт между эмоциональным состоянием пишущего

го и задачами нарративизации достигает апогея, однако находит свое разрешение благодаря вербальной экспликации четвертой темы.

Четвертый тематико-дискурсивный компонент в записи, который, возможно, следует считать центральным, представляет размышления автора относительно предметов, его волнующих и интересующих. О них в предисловии «О дневнике прадеда» пишет Илларион Голицын, взявший на себя труд расшифровки и публикации дневника 1917 – 1918 гг.: «В беседах с самим собою затрагивает он все грани жизни: мораль, воспитание, науку, религию, философию; быт, войны, государственное устройство, проблемы власти; искусство, поэзию, так высоко им ценимую, собственную работу, его государственную службу; любовь и ненависть, радость, страх, преклонение перед красотой, любимыми образами и презрение к лживости, бездарности; бесконечно радостное возвеличивание природы, свободы духа, жажды познания» [4, с.6].

Что касается дискурсивного оформления размышлений, воспроизводящего структуры иерархического синтаксиса, то в них отчетливо проступают черты французской культурной традиции в отображении поступательного движения мысли. Вообще французская культура и французские тексты, их чтение, изучение и перевод, а также французская пресса, как свидетельствуют записи 1917–1918 гг., каждодневно присутствуют в жизни ВМГ. Чтение для него – исключительно активный смыслопорождающий процесс, прямые свидетельства чему содержатся в дневниковых записях. Так, читая Гизо, он сопоставляет его высказывания с русской действительностью: *Прочел я в записках Гизо, что в задачах государственного и общественного строительства много зла наделало то, что под понятием о свободе подразумевалась революция, а под понятием о порядке – деспотизм и произвол. Так и кажется, что он писал эти строки для русских современной эпохи* (9.08.17). Интерес к современному французскому естествознанию остается неудовлетворенным газетными публикациями, его интересуют пути и механизмы получения нового научного знания: *Хотелось бы мне знать как технику подобных открытий и завоеваний, то есть те пути, которые привели этих людей, – например, Пастера, Клода, Бутара, Листера, – к этим последним, так и психику их самих, душевное их состояние при достижении ими цели...* (16.08.17). Он усердно занимается переводом Мольера, и для него эта работа является источником формирования нового знания о драматурге: *Обстоятельно ознакомившись теперь с Мольером, я вижу, как знал он человеческое сердце и как это сердце не изменилось в течение двухсот и более лет* (16.08.17). *Кончил перевод «Мизантропа» и взялся за его корректуру* (24.08.17).

Один из любимых авторов ВМГ – многократно упоминаемый в дневнике критик Ш. Сент-Бев, которым он восхищается, осмысляет написанное им: *Вспоминается, как «там» я читал много раз Сент-Бева. Нельзя не удивляться тому, как мог один человек собрать в тридцати пяти томах такой богатейший материал и его разработать. В его сравнительно кратких очерках исторические лица так и выступают – во весь свой рост, со всеми своими деяниями, творениями, образом мыслей и пр. Такие очерки – лучшее для меня чтение* (18.09.17). Подобные фрагменты отображают целый пласт рецептивной интеллектуальной деятельности, имеющей активный смыслопорождающий характер. Другим французским автором, который находится в поле зрения ВМГ, является Сен-Симон. Его мемуарам он уделяет внимание в связи с тем, что сам получил заказ от издателя Мельгунова на продолжение своих воспоминаний, их написание – основное занятие ВМГ в 1918г. (см. записи от 29.11.17, 13.12.17, 24.12.17, 29.12.17 и др.).

Обращаясь к основным дискурсивным формам этого блока, следует назвать, прежде всего, суждения, обобщающие опыт автора (т.н. генерализованные высказывания), которые сопровождаются высказываниями-«сателлитами», соотносящимися с различными мыслительными операциями. Это экземплификации, импликации, часто выполняющие аргументативную или иллюстративную функции, объяснения, проблемные и другие вопросы, а также высказывания-ассоциации и мн. др. Естественно, в большинстве случаев однозначно квалифицировать отдельное высказывание не удастся: разветвленная, насыщенная логическими связями синтаксическая структура, как правило, полифункциональна. Так, характерные для ВМГ высказывания с предикатами коммуникативной деятельности *назвать, называть, разуметь, понимать* «балансируют» между дефиницией и актом интерпретации: *А под термином «переживание» можно разуметь еще и то...* (12.03.1918). *Такую утрату веры можно бы назвать разочарованием...*

(5.03.1918). *Можно назвать это потребностью в своего рода исповеди* (6.03.1918). В общих суждениях идея всеобщности выражается соответствующими кванторными словами *каждый, все, всякий*, местоимением *мы* (*нас, нам* и др.), передающем значение всеобщности, существительными *люди, человек*, а также бытийными конструкциями (*существует..., случается...*), узуальность передается соответствующими глагольными формами, наречиями *часто, порой, нередко* и др.: *Каждый человек, как бы ни сурова была его жизнь и как бы черств ни был он сам, питает в себе те или иные идеалы* (13.03.1918). Экземплификация и другие дискурсивные формы значительно варьируются в своем словесном оформлении: *Так, Наполеон является прямым потомком Робеспьера...* (26.03.1918). *Таковыми были древние летописцы...* (28.03.1918). *Пример сего дан был нам...* (30.06.1918). *Для примера укажу на наши привязанности* (10.07.1918). В особенности это касается проблемных вопросов, которые оформляются не только в виде вопроса, но и в виде утверждения с соответствующим лексическим сопровождением.

Черты иерархического синтаксиса проявляются в этой части записи как на внутрифразовом, так и на межфразовом уровнях. Предложение характеризуется разнообразными иерархически связанными структурными компонентами – причастными и деепричастными оборотами, придаточными, обособленными конструкциями. Синтаксическая разветвленность проявляется в исключительно активном использовании в различных подструктурах предложения конструкций с однородными членами: *Помимо силы и объема ума, его культурного развития и богатства его содержания, ум еще обладает известным складом, от природы в него вложенным, который придает ту или другую окраску всем его проявлениям. Такой склад, такая окраска наиболее действительно вызывают сочувствие в других умах, взаимную их согласованность, а это, в свою очередь, создает взаимные симпатии или, наоборот, антипатии* (5.09.17). Велика роль и средств межфразовой связи. Из них отметим вводящие пропозицию модальные выражения, употребление которых позволяет акцентировать на ней внимание, и «скрепить» с предыдущей структурной единицей: *приходится сказать; но нельзя не добавить к этому, что; видим же мы; нечего говорить, что; а вместе с тем бывает, что; нельзя не заметить, что; и часто видим мы; не раз говорил я том, что; что касается до того, что; надо добавить, что; что касается разговоров; кажется порой; по этому поводу не могу не отметить*.

Характер используемых в размышлениях дискурсивных форм дает основание предположить, что в их выборе немаловажную роль сыграло знакомство автора с художественной культурой интеллектуальной эссеистики, которая уже ко второй половине XIX в. была представлена значительным корпусом текстов и вполне сформированной традицией в рамках европейской, в частности, французской, культуры. Из наиболее известных произведений назовем «Опыты» Монтеня, «Размышления на разные темы» Ларошфуко, «Характеры» Лабрюйера, «Мысли» Паскаля, историко-политические сочинения Гизо, афоризмы и короткая проза Лихтенберга, представляющие жанры интеллектуальной прозы и моралистической литературы. Хотя в дневнике ВМГ за 1917–1918 гг. мы не находим упоминания о чтении этих авторов, в нем обнаруживается, например, немало параллелей с «Размышлениями на разные темы» («Réflexions diverses») Ларошфуко, содержащих 19 эссе-размышлений, посвященных различным сторонам жизни и культуры человека: «Об истинном», «О приятельских отношениях», «Об умении вести беседу», «О сомнениях ревности», «О вкусах», «О происхождении недугов» и др. Эти параллели касаются как структур иерархического синтаксиса, так и дискурсивных форм, с помощью которых вербализуется размышление.

Так, основной дискурсивной формой «Размышлений» служит общее суждение, которое чаще всего оформляется с помощью обобщенно-личного местоимения *on*, а также конструкции *ilya*, местоимения *nous*, слов кванторной семантики *tout, tous, toujours, chacun:ilyadelapolitesse..., onpeutprendre..., ondoitaller..., onpeutleurparler..., noussommes..., toutlemonde*. Напр.: *Comme on doit garder des distances pour voir les objets, il en faut garder aussi pour la société: chacun a son point de vue, d'où il veut être regardé; on a raison, le plus souvent, de ne vouloir pas être éclairé de trop près, et il n'y a presque point d'homme qui veuille, en toutes choses, se laisser voir tel qu'il est* (2-е разм.). В русском языке, не имеющем обобщенно-личного местоимения, подобного фр. *on*, общие суждения чаще всего оформляются с использованием слов *люди, человек, мы* (*нам, нами*), кванторных слов, которые широко представлены в раз-

мышлениях ВМГ (см. выше). Стилистические параллели у Ларошфуко и ВМГ наблюдаются и в вербальном проявлении эмоций – использовании высказываний-восклицаний: *Combienya-t-ild’hommesquiontdurapportauxchiens!*(11-еразм.).*Combien d’obstacles ne lui a-t-elle pas fait surmonter!* (14-е разм.).

Обоим авторам присуща тяга к сравнению и сопоставлению понятий, обращение к значению слова как элемент разбора какого-либо понятия. Ср. У Ларошфуко: *Ce term de goût a diverses significations, et il est aisé de s’y méprendre: il y a différence entre le goût qui nous porte vers les choses et le goût qui nous en fait connaître et discerner les qualités, en s’attachant aux règles* (10-е разм.). У ВМГ сопоставительный анализ может охватывать понятия двух языков: *Между русскими есть много честных людей, и присущая им честность, как понятие и как термин, вполне отвечает французскому слову honnêteté, а вот то, что на французском языке определяется словом loyauté, людям неизвестно, и само слово непереводимо на русский язык* (6.07.1018). В отличие от размышлений ВМГ, размышлениям Ларошфуко присущ морализаторский пафос, что выражается в широком использовании высказываний, отмеченных деонтическими модальностями: *il faut, on doit, ilestnécessaire*. Ср.: *Il faut que la raison et le bon sens mettent le prix aux choses...* (13-е разм.). *Il faudrait du moins savoir cacher ce désir de préférence?* (2-е разм.). *Il faut être facile à excuser nos amis...* (2-е разм.). Тем не менее стилистический параллелизм двух текстов имеет очевидный характер и оба они в полной мере представляют черты иерархического синтаксиса со сложной и разветвленной системой связей между элементами.

Отливаясь в отточенные словесные формы, размышления ВМГ далеки от внутренней речи с его «рваным» синтаксисом и лексическим минимализмом. Так же далеки они и от устной речи. Таким образом, процесс нарративизации во II-й части рассматриваемых дневниковых записей принципиально отличен от того процесса, который представляет I-я часть записи, воспроизводящая формы устной речи и бытового общения. Он обусловлен письменной речевой деятельностью, выступающей катализатором развития сложных логико-синтаксических связей, процесса смыслообразования и получения нового знания и нового опыта.

В заключение подчеркнем еще раз, что именно дневниковая деятельность создает ту дискурсивную среду, в которой становятся возможными столь сложные деавтоматизированные процессы осмысления опыта и его нарративизация, в ней же и формируется новый опыт подобной коммуникативно-когнитивной деятельности. Таким образом, двухчастный формат записи основывается на противопоставлении, которое может быть интерпретировано как контраст дискурсивных форм воплощения опыта автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. О синтаксических разновидностях прозы / Н. Д. Арутюнова // Сборник научных трудов / МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 73. – М., 1973. – С. 183–189.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Голицын В. М. Дневник 1917 – 1918 годов / В. М. Голицын. – М.: «Захаров», 2008. – 368 с.
4. Голицын И. И. О дневнике прадеда / И. И. Голицын // Голицын В. М. Дневник 1917 – 1918 годов. – М.: «Захаров», 2008. – С. 6–7.
5. Зарецька О. О. Ситуативні чинники розуміння особистого досвіду (методологічні аспекти) / О. О. Зарецька // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / За ред. Н. В. Чепелевої. – Київ: Міленіум, 2006. – Т. 2, вип. 4. – С. 58–70.
6. Радзівська Т. В. Текст як засіб комунікації / Т. В. Радзівська. – Київ: Інститут української мови, 1993. – 193 с.
7. Радзиевская Т. В. Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников / Т. В. Радзиевская // Стил. – № 3. – 2004. – С. 221–233.
8. Радзівська Т. В. Щоденникові записи і нарративізація особистого досвіду / Т. В. Радзівська // Стил. – № 7. – 2008. – С. 139 – 150.
9. Радзівська Т. В. Щоденниковий запис в аспекті дискурсивних форм: субкультура американських менонітів / Т. В. Радзівська. – Вісник Київського національного лінгвістичного університету. – Т. 13. – № 2. – 2010. – С. 103–109.

10. Радзиевская Т. В. К вопросу о манипулятивном воздействии: адресат и его реакции // Вісник Київського національного лінгвістичного університету, Т. 16, № 2, 1913. – С. 92-99.

11. Чепелева Н. В. Теоретико-методологічні засади психологічної герменевтики / Н. В. Чепелева // Проблеми психологічної герменевтики. Монографія. За ред. Н. В. Чепелевої. – Київ: Міленіум, 2004. – С. 7 – 84.

12. Швалб Ю. М. Психологические формы фиксации жизненного опыта / Ю. М. Швалб // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / За ред. Н. В. Чепелевої. – Київ: Міленіум, 2005. – Т.2, вип.3. – С. 14–20.

13. La Rochefoucauld F. Réflexions diverses // Les maxims de La Rochefoucauld suivies des Réflexions diverses / F. La Rochefoucauld // Режим доступа: <http://www.archive.org/stream/lesmaximesdelaro00laro#page/n3/mode/2up>

(Статья поступила в редакцию 23 февраля 2016 г.)